

2. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1.
3. Бабюшин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005.
4. Латин Н.Н. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39–53.
5. Тимофеева Л.Н. Политический конфликт: лекция. М., 2008.
6. Колесников В. Парламентаризм и политическая стабильность: факторы влияния // Власть. 2010. № 3.
7. Незрова М.С. Российское стабилизационно значимое большинство: стратификационный анализ // Политэкс. 2009. № 4.
8. Рогов К. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма // Pro et contra. 2009. № 13, сентябрь – декабрь.
9. Общественное мнение-2008: Ежегодник. М., 2008.
10. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Политическое исследование. 2009. № 2.
11. Рац М. Модернизация как проблема // Сетевой портал журнала «Полис». URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=66
13. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. URL: <http://putin2012.ru/#article-1>

A.I. Demidov

Political Resource of Ideology

The significance of ideology for the modern society political governance is assessed. The interdependence of ideology and the current political processes is shown.

Key words and word-combinations: ideology, political process, society political governance, political activity.

Оценивается значение идеологии для политического управления современным обществом. Показана взаимосвязь идеологии и текущих политических процессов.

Ключевые слова и словосочетания: идеология, политический процесс, политическое управление обществом, политическая активность.

УДК 32:316.75

ББК 66.05

А.И. Демидов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ИДЕОЛОГИИ

Политические события последнего времени как в нашей стране, так и за рубежом достаточно красноречиво показывают эффективность политической мобилизации, построенной на современных средствах коммуникации, многообразии сетевых взаимодействий, стратегии и тактике Public Relations. Именно на их базе формируются основные информационные потоки, осуществляется агитация, организация и координация действий сторонников, происходят дискуссии, появляются и сопоставляются отклики и комментарии событий.

Но вот события, что называется, состоялись, люди вышли для демонстрации своей

позиции, побуждаемые к тому вполне конкретными причинами, среди которых и невыполненные обещания, и фальсификация результатов выборов, и некомпетентность и мздоимство конкретных лиц и целых структур. Нетрудно видеть, что от обсуждения этих вполне конкретных и злободневных проблем граждане очень быстро переходят к обсуждению проблем общих, таких, как легитимность власти, права и свободы человека, законность действий власти, справедливость и т.д. Такой переход от повседневности конкретики к обсуждению не менее злободневной, но абстрактной догматики – вполне реальная тенденция, характерная не только для России, но и для других стран. Например, события на Ближнем Востоке, начавшись как реакция народа на нищету и злоупотребления властей, развиваются в направлении нарастания политических дискуссий по все более общим проблемам, на фоне которых приходят к власти предельно догматизированные силы, использующие уже даже не идеологические, а теократические и силовые аргументы.

На таком фоне интерес к очередному переосмыслению роли идеологии в политике вполне оправдан, и без него многие будущие события и процессы могут оказаться довольно неожиданными, а механизмы управленческого воздействия на них потерянными.

Такие существенные особенности политики, как системный характер ее относящихся ко всему обществу проблем, связь с управлением и целенаправленным властным действием, пересечение в ней общих и частных интересов, создают и особый тип ее духовного освоения. Он должен, во-первых, выражать интересы субъекта политики; во-вторых, отражать проблемы социальной целостности, управлении обществом, государством, ведь именно они являются объектом политической активности; в-третьих, иметь систематизированную, теоретическую форму, ибо та действительность, в которой функционирует субъект политики, системно организована и ему необходимо четкое представление о своем месте в этой системной организации. На наш взгляд, именно поэтому любой субъект политики нуждается в идеологии – средстве духовного плочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему. Она придает политическому действию качества последовательности и целенаправленности на основе выдвижения идеалов и целей, соответствующих не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в рамках которых происходит развертывание его деятельности.

В теоретической форме идеология преодолевает неизбежную противоречивость социальной действительности, сводя многообразие всех проблем и аспектов бытия социальной группы в целостную программу, систему поведения, направленную на реализацию ее коренных интересов, разрешение важнейших задач ее исторического движения. С реализацией этого основного назначения так или иначе связаны основные функции идеологии, среди которых в литературе отмечают познание, интеграцию, организацию, успокоение, упрощение. Нельзя не отметить и функцию легитимации – обеспечения массовой поддер-

жки власти, в рамках действия которой власть как бы погружается в массу, а последняя привязывается к власти.

В мировой политологии существуют не только убеждения в том, что «так как политика предполагает следование определенной линии поведения, то есть какой-либо взаимосвязанной последовательности проектов действий, значит нет политики без идеологии» [1, с. 99], но и весьма критичные суждения об идеологии, вызываемые разными причинами: отсутствием в ней четкой границы между верифицируемым и неверифицируемым знанием, между знанием и отношением, истинами и ценностями, замутненностью идеологического сознания присутствием человеческих интересов и предпочтений.

Чаще всего идеология рассматривается как чисто ценностная форма сознания, кристаллизация убеждений, мнений людей, вовлеченных в политическое действие. В ней видят оппозицию рациональному, научному постижению социальной действительности, «структуру моральных критериев и политических идеалов» [2, с. 2]. В рамках такой методологической позиции возникают представления об идеологии как «кристаллизации ложного сознания», «маскировке иррационального» (В. Парето), «добровольной мистификации» (К. Мангейм), «секуляризованной религии» (Д. Белл) или «эрзац-религии» (У. Матц).

Чаще всего в политологической литературе идеологию характеризуют именно как систему ценностей и предпочтений (Д. Истон, М. Дюверже, В. Коннолли, П.А. Шомбар де Лов). В центре представлений о специфике идеологии находится понятие ценности – такого элемента мыслительной деятельности, назначением которого служит как раз отражение момента взаимодействия, взаимозависимости объекта и субъекта. Благодаря ценностям осуществляется столь необходимый для стимулирования и направления деятельности людей процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости для субъекта.

Востребованность идеологии в политической практике определяют такие ее важные характеристики, как существование мощного эмоционально-волевого заряда, способствующего обретению идеей властной атрибутики и эффективности, а также наличие определенной степени огрубления, упрощения, схематизации – того, что позволило К. Дейчу назвать идеологию «картой действительности». Но в каком случае возникает необходимость в использовании такой «карты»? Когда оказываются востребованными все названные свойства идеологии? Ответ очевиден: при направлении, ориентации деятельности людей, в способности осуществления которой – назначение идеологии, делающее ее необходимым компонентом любого механизма власти.

Благодаря идеологии политика приобретает ряд весьма важных для осуществления власти и / или властного управления качеств:

- деятельность большой массы людей из скалярной, диффузной, ненаправленной и ненаправляемой величины превращается в величину векторную, направленную, вследствие чего эффективность в реализации определенной задачи, цели значительно повышается;
- происходит объединение большой массы людей вокруг единой цели или ценности, то есть на рациональной основе;

– политическое действие приобретает качества последовательности и целенаправленности, соответствия не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в которых происходит его деятельность;

– в рамках идеологии формируются разнообразные средства политической коммуникации – общезначимые для политической общности понятия, образы, символы – важнейшие элементы языка политики, диалога власти и общества.

Естественно, происходящие в мире политические изменения вносят значительные подвижки в содержание и роль идеологии. Смысл этих изменений наиболее рельефно выражен известным российским политологом А.И. Соловьевым, писавшим «об исторической маргинализации идеологии», определяемой рядом факторов [3]. Интересно, что другой критик идеологии – английский исследователь Джон Шварцмантель, исходя, по сути дела, из тех же оснований (фрагментаризация социальной среды, новые условия самоопределения личности), делает, однако, менее радикальные выводы. Он утверждает о сохранении необходимости и возможности идеологического мышления, развитии более фрагментарных, «молекулярных идеологий», поскольку «любую проблему можно выделить только на фоне идеологической картины общественной жизни» [4, с. 18]. Акцентируя внимание на мощном манипуляционном потенциале современных информационных технологий, автор не учитывает некоторые важные параметры современных политических и идеологических процессов. Данная позиция европоцентрична, преувеличивает ситуацию мультикультурализма, информациональной открытости, рекламного стиля политического общения.

Но в мире существуют мощные политические силы, реализующие долговременные исторические стратегии и по-прежнему опирающиеся на идеологический фундамент. Например, в США именно общие ценности и политико-культурные ориентации цементируют многорасовое, многоликое общество в единую (но отнюдь не унифицированную) нацию. Мультикультурализм здесь имеет четко выраженные пределы.

Ныне охватывающий весь мир процесс глобализации вступает в далеко не лучшую свою стадию. В настоящее время для него характерны кризис, стагнация, напряженность, охватывающие многие страны и целые регионы. Вследствие радикального повышения скоротечности политических и экономических процессов в современном мире, уровня их динамизма возрастает степень возможной неопределенности в политике, ее непредсказуемость. Происходит резкое снижение управленческого потенциала политики и политических институтов, которые все менее соответствуют реальным потребностям и ожиданиям. Они «становятся администраторами развития, которое они не могли ни планировать, ни формировать, но за которое каким-то образом должны нести ответственность» [5, с. 283]. Увеличивается степень виртуализации социальной и политической среды: многие социальные отношения, явления находятся на грани возможного и реального, а их носители часто не имеют выраженного онтологического статуса, субстрата, твердых оснований существования. Постоянство нестабильности, текучесть норм, смена привычных жизненных ориентиров, естественно, требуют новых способов действия в этой сфере, новых, соответствующих столь быстрым изменениям форм регуля-

ции социально-политических отношений, ставя под вопрос и самую их возможность и необходимость.

В политике всякого рода программатика, ориентировавшая людей в этой сфере, всегда имела большое значение, и, строго говоря, политические силы, «лагеря» в политике отличались именно своими ориентациями в будущее или трактовками этого будущего. Отказ от постановки и реализации долгосрочных целей оказывает значительное влияние на изменение характера политической активности людей. Очевидно, что степень влияния идеологических императивов сегодня падает, их просто невозможно реализовать в те краткосрочные и обозримые периоды, в пределах которых осуществляется политическое действие. В то же время ведется поиск новых ориентаций – конкретных, прямую продиктованных наличной ситуацией, краткосрочных в реализации, не требующих для своего воплощения институциональных реформ, ведь они могут «обрушить» ситуацию, «запустить» цепь неожиданных и нежелательных событий, обернуться не приобретениями, а потерями.

Нарастающая сложность и рост многообразия во всех сферах социальной жизни, естественно, осложняют характер существующих проблем таким образом, что возможность их решения через коллективные социальные действия (это, как известно, всегда служило ядром политики) становится весьма проблематичной. Изменяется сама ткань политической жизни, из нее уходит искусство и способность соотнесения общественных и личных проблем [6, с. 60].

На наш взгляд, необходимо различать два типа идеологий: доктринальные и ценностные.

Первые представляют собой достаточно строгие, логически выверенные системы суждений, дополняющих одно положение другим, и продолжающиеся в новых условиях (например, либерализм или марксизм). Мир рассматривается в них как устроенный таким образом, что требует внесения в общественную жизнь соответствующих изменений, приближающих ее к требованиям всей системы мироздания. Критичное по своей сути постмодернистское мышление, не приемлющее каких-либо незыблемых оснований и бросающее вызов любой «системе», конечно, по отношению к таким построениям действует разрушительно. Для него вполне приемлемыми считаются PR-технологии – как суррогат для решения конкретной задачи, проблемы (после чего «нам лучше не встречаться»).

Идеологии второго типа – ценностные («системы ценностей и их обоснований», по Д. Истону) – идут не от теоретических «оснований», а уверяют в «желательности» некоторых состояний и характеристик общественной жизни, воплощение которых в действительность способствует гармонизации общественных отношений, продвижению общества вперед в соответствии с «природой человека». Консолидация вокруг ценностей способствует укреплению и продвижению общества, ибо ориентация людей на противоположные ценностям характеристики оказывается разрушительной и опасной для общества: исторический опыт доказывает, что закон – лучше беззакония, порядок – хаоса, справедливость – несправедливости, а «худой мир – лучше войны». В таком контексте ценностный мир зависит от практики. Механизм формирования

таких ценностей не доктринален, а представляет собой обобщение практического опыта. Задача идеологии в таком случае заключается в его систематизации, переводе интенций, рождаемых социальными интересами, на язык социальных ценностей, национальных и исторических приоритетов. Ее осуществление – традиционная задача меритократической политической элиты.

Формируемые ценностные идеологии могут быть ориентированы на «согласие» или «прорыв». Идеологии «согласия» предполагают интеграцию общества на основе уже существующих общих черт в образе жизни, настроениях разных социальных слоев (существует некоторое количество разделяемых всеми общими ценностями). В состоянии значительной социальной сегментации, отсутствия общих интересов и ценностей в ход идут идеологии «прорыва». Они вполне применимы для обоснования модернизации, необходимости ухода от прошлого состояния общества, значительная часть которого рассматривается как «нереформируемая», лишенная возможности преобразования и качественного роста. Для России это развалившиеся гиганты индустриальной эпохи, обезлюдившие, разоренные деревни, алкоголизирующая, дошедшая «до ручки» часть населения, вконец отупевшая от поборов и жизни «на кормлении» бюрократия. Поскольку для России, «чтобы сохраниться, надо измениться, а чтобы измениться, надо сохраниться», исторически востребованным оказывается преодоление этих крайностей, в ходе выработки долговременных приоритетов политики, собственно и выражаемых фундаментальными политическими ценностями.

Текущая политическая не только российская, но и зарубежная реальность показывает, что после того, как схлынули волны событий, сообщений, информационных обменов, сетевых взаимодействий, сигналов, PR-кампаний и реакций на них, проступили некие контуры архетипических мыслительных и психических структур, связанных с глубоко заложенными потребностями граждан в общении и понимании, в единстве и принадлежности к целостности, безопасности, равенстве и иерархии. Они-то и инициировали поиск и предпочтение политических структур с выраженной и связанной ценностной структурой, то есть идеологией. В Египте это выразилось в поддержке «братьев-мусульман» на парламентских выборах, в России все кандидаты в президенты апеллировали (по-разному расставляя акценты) к ценностям суверенитета, благосостояния, территориальной целостности, процветания, стабильности и свободы.

Способность выражения глубинных потребностей, скрытых интенций – вот что заставляет политических субъектов обращаться к идеологическим формам коммуникации, делая таковые по-прежнему востребованными и политически эффективными.

Библиографический список

1. Seliger M. Ideology and Politics. L., 1976.
2. Connolly W. Political Science and Ideology. N.Y., 1967.
3. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2.
4. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009.
5. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
6. Бурман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.